

Гу Цин не шелохнулся. Он прекрасно понимал: то, что в порыве гнева швырнул вещь, было его виной.

После недолгого молчания он медленно поднялся, подошёл к будильнику и поднял его с пола. Чувство неловкости кольнуло изнутри.

— Прости, — пробормотал он, стараясь не смотреть в глаза. — Просто навалилось всё... Будильник лежал под рукой, вот я и... В общем, извини, мне не следовало срывать.

Мэй Цзибай взял Гу Цина за руку и вложил в его ладонь маленькую чашку. Отпустив его, он ровным голосом произнёс:

— Хорошо, что ты понимаешь свою ошибку. Но вот вопрос: наговорил лишнего ты, а злишься почему-то тоже ты?

Гу Цин и сам не знал ответа на этот вопрос.

Мэй Цзибай шагнул ближе. Их дыхание переплелось, и он спросил почти шёпотом:

— Ты правда только восхищаешься мной? И ни капли любви? Цинцин, ты хоть понимаешь, что с самой встречи с Ян Фанем ведёшь себя как ревнивец?

Гу Цин вздрогнул. Ему показалось, что воздух вокруг внезапно раскалился.

Он принужденно усмехнулся и тут же отрезал:

— Быть не может. Ты для меня — идеал, объект поклонения. Это чистое восхищение, а не желание прожить с тобой всю жизнь. Не пойми меня неправильно, с чего бы мне ревновать? Я же сказал: вы с Ян Фанем отлично подходите друг другу. Я знаю, что сейчас он тебе не нравится, но если вдруг полюбишь его — мы разведёмся. Ты ведь не из тех, кто делает любимого человека «третьим лишним» в браке, верно?

Гу Цин перевёл дух и добавил:

— К тому же, если бы ты мне нравился, стал бы я так легко тебя отпускать? Шутишь? Если мне кто-то дорог, я костями лягу, но заставлю его полюбить себя в ответ! И уж точно не стану подталкивать к другому.

— Вот как? — Мэй Цзибай не стал развивать тему. Он лишь бросил коротко: — Тётушка Лю долго варила этот успокаивающий отвар, не переводи продукт. Допивай и спускайся на кухню, она уже приготовила поздний ужин.

Проводив его взглядом, Гу Цин замер в растерянности. Спустя минуту он принялся маленькими глотками пить отвар. Вкус был освежающим и в то же время тёплым, с мягким ароматом, который постепенно унимал его внутреннюю дрожь.

Ревность?

Неужели он правда ревновал?

«Да бред, — убеждал он себя. — Мэй Цзибай мне не нравится. Просто Ян Фань меня бесит, вот я и решил его спровоцировать. Этот Мэй — не Господь Бог, он не может быть прав во всём. Наверное, просто подкалывает».

Определённо так и есть.

Допив отвар, он отнёс чашку вниз и немного поел. От тётушки Лю он узнал, что у Мэй Цзибая нет привычки есть по ночам — ужин приготовили специально для него, потому что он пропустил вечернюю трапезу. На душе стало странно. Это было забытое чувство — когда о тебе помнят, когда о тебе искренне беспокоятся.

Всю ночь он твердил себе, что не любит Мэй Цзибая, и тот отвечает ему взаимностью. В конце концов, после смерти «Юй Цзиньняня» тот не особо-то и убивался. И всё же Гу Цин не мог избавиться от чувства вины за то, как использовал его раньше.

Лёжа в кровати и глядя в темноту, он горько усмехнулся.

Да, чем дольше он жил под одной крышей с Мэй Цзибаем, тем сильнее скребли кошки на душе. Забота этого человека заставляла старую вину всплывать на поверхность.

Разум твердил: «Мэй Цзибай не любил Юй Цзиньняня», но сердце отказывалось в это верить.

А если любил?

Тогда Гу Цин — законченный подонок. Мало того что использовал его, так теперь ещё и постоянно жалит холодными словами. Даже если нет любви, человек заслуживает элементарного уважения.

С этими мыслями он провалился в сон. Видимо, отвар и впрямь был магическим.

Утром будильник проиграл — спокойную фортепианную мелодию. Гу Цин потянулся, раскинувшись на кровати «звездой». Настроение было на удивление ровным. Пусть это снова была классика, она нравилась ему куда больше той сложной музыки на вчерашнем концерте.

Во сне он снова видел кадры из прошлого. Теперь он был уверен: эту мелодию исполнял сам Мэй Цзибай. Гу Цин проверял другие записи — всё было не то. Видимо, это была авторская аранжировка.

«Талантливый чертяка», — невольно подумал он.

Когда он умылся и спустился вниз, музыка как раз стихла. В столовой Мэй Цзибая не оказалось. Неужели проспал?

Тётушка Лю поставила перед ним тарелку и, заметив, что он ищет кого-то глазами, улыбнулась:

— В компании возникли срочные дела, Цзибай уехал пораньше. Сказал, что вернётся поздно.

Гу Цин кивнул и принялся за завтрак. У него и самого дел было по горло, а уж масштаб забот Мэй Цзибая он мог себе представить.

Лю Синь немного помешкала, дождалась, пока он закончит есть, и негромко произнесла:

— Тот будильник, что он тебе подарил... Музыку для него Цзибай записывал лично в ту ночь. Он вряд ли сам об этом скажет, но действительно заботится о тебе. В семейной жизни важно проявлять чуть больше чуткости друг к другу.

«Записал лично? В ту самую ночь?»

Рука Гу Цина на миг замерла. Он проглотил последний кусочек тоста и вымученно улыбнулся:

— Спасибо, тётушка Лю, что рассказали. Я знаю, что бываю вспыльчивым. Я запомню ваши слова.

Лю Синь кивнула.

— Мы ведь тоже видим: ты совсем не такой, как о тебе болтали. С тех пор как вы поженились, ты ни разу не ввязывался в сомнительные истории. Мы только рады видеть, как ваши отношения налаживаются. Цзибай в последние пару лет стал очень... отстранённым, хоть и соблюдает приличия.

Пользуясь случаем, Гу Цин решил уточнить:

— Вам кажется, что ко мне он относится иначе?

Стоявшая поодаль Мао Ии энергично закивала:

— Ещё бы! Вообще по-другому! Господин Мэй никогда и никого так не баловал, даже младшего молодого господина!

Тётушка Лю подтвердила:

— Это правда. С кем бы он ни общался, он всегда держит дистанцию. А к тебе проявляет столько внимания... Поверь, это не просто дань уважения отцу твоего друга. Ради простого долга он не стал бы записывать музыку глубокой ночью, жертвуя своим сном. Ты же знаешь, насколько он педантичен в своём графике.

Гу Цин погрузился в раздумья. Если бы это сказал один человек, можно было бы списать на ошибку. Но если говорят все? Дыма без огня не бывает. Он окончательно перестал понимать, что на уме у Мэй Цзибая.

Неужели он и вправду ему хоть немного нравится?

Но ведь он клянётся в любви к Юй Цзиньняню.

Замкнутый круг какой-то.

Решив пока не ломать голову, Гу Цин сосредоточился на делах компании и собственном расследовании. Остальное — как пойдёт. Он не любил интриги, но ситуация вынуждала его молчать о главном, а Мэй Цзибай видел всех насквозь. Лучше пока взять паузу.

Вспомнив о спокойных мелодиях в будильнике, он решил, что всё-таки должен поблагодарить Мэй Цзибая. Тот явно старался.

«Сделаю это сегодня вечером, — решил он. — Чем дольше тянешь, тем сложнее выговорить».

Конечно, он не забыл и про свой аккаунт анти-фаната, но на этот раз сменил гневный тон на ироничный, подколов «великого господина Мэй» за его непредсказуемость.

Мэй Цзибай вернулся только к десяти вечера. Когда Гу Цин подошёл к нему с благодарностью, он ожидал услышать какую-нибудь колкость в ответ, но тот вёл себя на удивление мягко.

Мэй Цзибай потянулся, чтобы потрепать его по волосам, но Гу Цин уклонился.

— Не надо, — буркнул он. — Мы не настолько близки.

Заметив, как Гу Цин отводит взгляд, Мэй Цзибай убрал руку и спокойно произнёс:

— Это просто забота о младшем брате, не бери в голову.

Гу Цин буквально поперхнулся словами.

Забота о брате?

Сердце подсказывало, что это ложь, но разум тут же ухватился за эту версию. Так даже лучше. У обоих есть удобный повод сохранить лицо.

— Ладно, — кивнул он. — Раз уж так, давай пересмотрим пункты нашего уговора?

— Можно. Но не спеши. Правила дома остаются в силе. Тётушка Лю будет проверять порядок, вещи не раскидывать, спать вовремя. Никаких ночёвок на стороне.

Гу Цин вздохнул:

— Понял, постараюсь. В остальном я сам по себе, но обещаю: больше никаких внезапных поцелуев. Тебе ведь всё равно потом искать...

«Того, кого ты по-настоящему полюбишь и с кем захочешь прожить жизнь».

Вторую половину фразы он проглотил под пристальным взглядом Мэй Цзибая.

Что ж, придётся и дальше играть роль послушного фаната. На любое правило найдётся лазейка. Как только он добьётся послаблений дома, на воле он будет гулять как захочет.

Добившись призрачного перемирия, он выдохнул. Но радость была недолгой: пришли результаты по Ван Чжэню — человеку, который погиб вместе с ним. Теперь было не до амурных терзаний.

Расследование касалось семьи Ван Чжэня, в частности его тридцатилетнего сына Ван Юаньфана. Судя по отчётам, человек он был порядочный. После долгих уговоров он согласился на встречу.

Ван Юаньфан жил в соседнем Линьши. Гу Цин быстро разобрался с делами фирмы и выкроил день для поездки. Мэй Цзибаю он ничего не сказал — это его личное дело, к вечеру он всё равно планировал вернуться. Зачем лишние вопросы?

Но всё пошло наперекосяк. Встреча затянулась, освободился он только к четырём часам. А на обратном пути на скоростном шоссе случилась авария — движение встало намертво.

Когда зазвонил телефон, Гу Цин почувствовал ледяную усмешку Мэй Цзибая на том конце провода. Сейчас начнётся допрос.

Он откинулся на сиденье, лихорадочно соображая:

— Алло... Да, я сейчас всё объясню. Я не шляюсь нигде, с Ян Сюем и его компанией не виделся. У меня деловая встреча, переговоры о сотрудничестве. Всё шло по плану, но возникли накладки. Я скоро буду, ужинай без меня.

—... Ты где?

«На трассе».

Гу Цин не рискнул сказать правду. Заметив, что машины впереди тронулись, он выпалил:

— Буду дома через час с небольшим.

Он нажал отбой, не дожидаясь ответа. Час с небольшим? Дай бог только до города доехать. Дома он будет не раньше десяти.

— Чёрт, — выругался он под нос.

Одинокая жизнь имела свои плюсы: не нужно было ломать голову, как оправдываться. Он бросил взгляд на флешку на соседнем сиденье, и лицо его помрачнело.

На встрече он выложил перед Ван Юаньфаном все материалы по гибели Юй Цзиньняня и Ван Чжэня. Он заявил, что хочет восстановить справедливость, и даже поручился именами семей Гу и Мэй.

Ему стоило огромных трудов убедить собеседника. В итоге Ван Юаньфан отдал ему флешку, оставшуюся от отца. Сказал, что там стоит пароль, который он не смог подобрать, но, возможно, она пригодится.

А потом Ван Юаньфан подтвердил то, о чём Гу Цин уже начал догадываться. После гибели семьи Юй старый Ван Чжэнь действительно обращался за помощью к отцу Мэй Цзибая, Мэй Гуанци. Тот просто закрыл перед ним дверь.

Расчётливый делец.

Гу Цин понимал, что нельзя винить сына за грехи отца, но при мысли о возвращении к Мэй Цзибаю внутри всё закипало. Когда-то его отец вывернулся наизнанку, чтобы помочь семье Мэй, а когда помощь понадобилась ему самому — получил лишь холодное равнодушие.

Стало невыносимо обидно за отца. Добродушная улыбка Мэй Гуанци теперь казалась Гу Цину верхом лицемерия.

Он даже подумывал заночевать в отеле, но понимал: Мэй Цзибай со своим перфекционизмом вытрясет из него душу. А если начнёт копать, то быстро узнает, где он был.

И, честно говоря, он просто хотел его увидеть.

Гу Цин горько усмехнулся собственной слабости. Невероятно, но он скучал по объятиям этого человека. Для мира прошло два года, но для него их последнее объятие было совсем недавно. И он тосковал по нему.

Привычка — страшная сила. Полгода жизни в секретной комнате не прошли даром.

Он переступил порог дома в одиннадцатом часу. На этот раз он не колебался: будь что будет.

Стоило ему войти, как он увидел в гостиной Мэй Цзибая. Тот сидел на диване один, слуг нигде не было видно. Ясно — устроил засаду.

Гу Цин замер, нацепив маску беспечности:

— Ещё не спишь? Я же просил не ждать. Просто застрял в пробке, ничего особенного.

Мэй Цзибай молча, не отрывая взгляда, медленно поднялся и пошёл к нему.

Гу Цин подавил желание броситься наутёк. Холод Мэй Цзибая давил на психику похлеще любого крика.

Он набрал в грудь воздуха и затараторил:

— Я правда был занят делом. Можешь у ассистента спросить, он подтвердит. Я вообще веду себя прилежно с самой свадьбы, с Ян Сюем не путаюсь. Ну опоздал разок, зачем так строго-то? Я не ребёнок. Опекать опекать, но мне нужно личное пространство. Если пережать — будет только хуже, так что не надо...

Поток слов оборвался внезапно.

Мэй Цзибай не сказал ни слова. Он просто подошёл и крепко обнял его. Одной рукой он прижал Гу Цина к себе, а другой накрыл затылок, утыкая его лицом в своё плечо.

«Что за... Он решил играть не по правилам?!»

<http://bllate.org/book/17544/1710938>